

родного календаря в местной рукописной традиции нуждается еще в уточнении.

В XX в. занимался в Пучуге переписыванием книг Матвей Иванович Сафронов, образчик почерка которого мы привезли еще два года тому назад. У его жены сохраняется значительное количество переписанных им рукописей. Похоже, что это был последний пучужский книгописец.

Из Пучуги мы переправились на другой берег, ниже по течению, в с. Борок, конечный пункт нашей поездки.

В борецких деревнях мы не нашли ни одной рукописи, но думается, что находки здесь еще будут. В дер. Сельменьга умерла М. С. Тюлюбаева, книги увезли старушки из Топсы; А. А. Сенчукова раздала свое собрание, оставив себе печатную Псалтырь XVII в.; в дер. Городок умер наставник В. Ф. Парфенов — дальнейшая судьба книг пока неизвестна; в дер. Скобели наверняка есть отдельные рукописи из библиотеки В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой и т. д.

Всего в этом году нашей экспедицией было привезено 28 рукописей XVIII—XX вв. Результат вполне закономерный. Ведь с 1967 г. археографы ежегодно выезжают на берега Северной Двины. Сейчас рассчитывать на обильные находки уже не приходится. К тому же городские родственники местных жителей, художники, искусствоведы, журналисты и другие любители старины, переводя иконы и книги в категорию сувениров, из года в год сокращают их количество в районе поисков. Тем не менее находки последних лет расширяют наши представления о северодвинской рукописной традиции, все больше имен местных мастеров книги вводится в научный оборот, все теснее смыкается изучение народного прикладного искусства с рукописным наследием Севера. Накопленный материал свидетельствует о необходимости продолжения поисков. А искать надо в самое ближайшее время, не откладывая.